

30 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Николай Геннадьевич
Матвеевский.

Спаситель Толгской иконы

«Ие» в фамилию Владимира Алексеевича вкралось при получении паспорта. Отец его Алексей Геннадьевич, танкист, капитан Красной армии, еще писался Матвеевским. Он умер в 1948 году от болезни легких, развившейся после тяжелого ранения в Великой Отечественной, совсем не успев рассказать о деде Геннадии Павловиче. О деде в семье вообще молчали. Не сохранилось ни его фотографии, ни могилы. Повзрослев, Владимир стал выяснять причины...

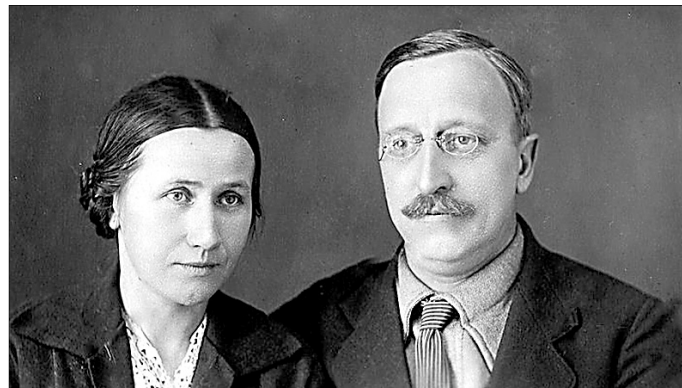
В 1904 году Геннадий Павлович Матвеевский был назначен священником в приход села Толгобол, состоявший из зимней Троицкой церкви (1755 год) и летней Покрова Пресвятой Богородицы (1785 год). Отца Геннадия на селе уважали. Был он человеком образованным, являлся избирателем в Государственную Думу Российской империи, организовал в Толгоболе начальную школу грамоты для детей всех сословий. В советское время школа отошла государству, проработала до распада СССР и сгорела в лихие 90-е...

Благодаря отцу Геннадию после Октябрьской революции Толгобол стал важнейшим в Ярославле центром богослужбной жизни. Произошло это так. В 1918 году большевики ликвидировали Казанский женский монастырь, монахини переселились поближе к еще действовавшему Толгскому монастырю — в деревни Курдумово, Трофимки, Иваново, Толгобол. В 1928 году закрылся и мужской Толгский монастырь. На левом берегу Волги от Резинотехники до Твериц остались только два действующих храма — Смоленской иконы Божией матери в селе Федоровском и Троицкий в Толгоболе. Толгобол был ближе. Монахи и монахини пришли к отцу Геннадию.

По воспоминаниям жителей села, службы на рубеже 20 — 30-х годов были прекрасными, — рассказывает нынешний священник Толгобола протоиерей Димитрий Ильичев. — Под руководством псаломщика Ивана Кузьмича Чепельника, когда-то «правой руки» ярославского священника и композитора Василия Зиновьева, состав-

Не купцы Матвеевские

Многие годы экс-начальник управления по борьбе с экономическими преступлениями УВД Ярославской области, сейчас полковник запаса Владимир Алексеевич Матвиевский считал себя единственным в Ярославле прямым потомком знаменитого рода ярославских купцов Матвеевских. Предположение было приятно: родство с оставившими заметный след в истории Ярославля Матвеевскими почетно для коренного ярославца. Но, как выяснилось, не купцы Матвеевские его предки

Мария и Борис Малышевы. 1939 г.

Священники Ярославской епархии. Начало XX века.

вился прекрасный хор. Одновременно на клиросе пели по 40 монахов. Так как все ярославские церкви были закрыты, послушать настоящую монашескую службу сюда приезжали многие верующие горожане.

И еще один подвижнический подвиг совершил отец Геннадий. После закрытия Толгского монастыря самую ценную его икону Богородицы Толгской отправили в музей. Остальные части собирались продать, частью уничтожить. Среди них была вторая святыня монастыря — «Толгская» выносная икона Богородицы. Отец Геннадий смог перенести икону в Троицкий храм Толгобола. Там она и хранилась до 1988 года — до нового возвращения в возрожденный Толгский монастырь.

Чудо для бухгалтера

Спасенная отцом Геннадием «Толгская» выносная икона спасла петербургского дьякона Бориса Малышева. Об этом чуде

отцу Димитрию Ильичеву пару лет назад рассказал приехавший из Петербурга посланец Малышевых.

Семья бухгалтера и учительницы Бориса и Марии Малышевых жила в Вышнем Волочке Тверской области. В 1940 году в городке, несмотря на просьбы верующих, закрыли последний православный храм. Христиане стали тайно молиться в доме Малышевых. Осенью 1941 года, когда гитлеровцы подступили к Москве, в Волочке начались аресты потенциальных пособников оккупантов. К ним относились и верующие. Малышевых арестовали и отправили на 10 лет в Вятлаг. В апреле 1942 года в лагере умерла Мария. В августе 1943 года заболел брюшным тифом Борис. И вот на пороге смерти на деревянном топчане лагерного лазарета явилось Борису видение: икона неизвестного извода и слова Богородицы: «Поезжай на Волгострой, поклонись моей Толгской ико-

не, будешь исцелен». Но покинуть тифозный лазарет можно было только чудом. И оно случилось.

Еще в Волочке был у Бориса Малышева друг — ссыльный монах, позже знаменитый православный подвижник XX века Никон (Воробьев). Он ходатайствовал перед властями о невыносимых условиях и эпидемии тифа в Вятлаге. Удивительно, но в лагерь приехала московская проверка и отправила всех «лазаретных» по домам. Малышева до Волочка не довезли. Как не жильца сгрузили с поезда в Ярославле и оставили на попечение сестры его покойной жены Валентины. Та жила на Волгострое, была убежденной коммунисткой, атеисткой, но уважала чувства верующих. Она упростила начальство временно прописать зятя к себе, откормила и взяла у соседей взаймы икону. Поворчала на Малышева: «Ты ж ненормальный, тебе молиться надо!» Но Борис умирал... Пе-

ред смертью он попросил отвести его в любой действующий храм. Ближайший был в Толгоболе. В нем Борис Малышев и увидел явившуюся ему в видении «Толгскую» икону. После горячей молитвы узник Вятлага пошел на поправку, вернулся домой, позже стал священником. На календаре был 1944 год. Отца Геннадия уже семь лет не было на свете.

Террорист, антисоветчик, мученик

Геннадия Павловича Матвеевского как «участника повстанческо-террористической кулацкой» группы арестовали 2 декабря 1937 года. Двумя неделями раньше увезли двух его подельников — псаломщика Ивана Кузьмича Чепельника и вернувшегося из ссылки бывшего штабс-капитана царской армии Георгия Андреевича Политко.

Отца Геннадия привезли в здание НКВД (нынешнее здание УМВД на ул. Республиканской). Шесть дней допрашивали «с применением сил физического воздействия».

— Это избиения и непрерывные допросы, — поясняет тогдашние методы НКВД Владимир Матвиевский. — Ведущие допрос следователи сменялись каждые восемь часов. Все это время арестант стоял на ногах. Ему не давали спать, пить и есть. Иногда разрешали присесть на угол табуретки, так чтобы вес приходился на копчик. Стоять на налитых свинцом ногах было невозможно, и люди обычно садились. От такого «отдыха» на копчике появлялись кровавые язвы.

Отец Геннадий не сдал, не оклеветал, не потащил за собой в могилу никого. Больше всего он боялся за дьякона своего прихода многодетного отца Николая Казанского и за отца